

Виктор РУБАНОВИЧ,
поэт, редактор,
(г. Лейпциг, Германия)

ПИСЬМА К СЕРГЕЮ ШЕЛКОВОМУ

24 марта 2005 г.

Дорогой Серёжа!
Я действительно писал тебе неоднократно по электронному адресу, указанному в харьковском писательском справочнике и был несколько удивлён их безответностью. Теперь всё прояснилось.

Живу я ныне в Лейпциге. До этого мы (я приехал со своей бывшей женой и нашей внучкой) прошли все эмигрантские испытания: нары в двух переполненных общежитиях, недобрые реплики чиновников, ведающих пособием, полную неконтактность из-за незнания языка. И только через год после приезда обзавелись квартирами (я живу отдельно), снятыми в жилагентстве и оплачиваемыми социальной службой, кроме света, горячей воды и телефона. Получаю скромное, по здешним меркам, пособие. Конечно, это несравнимо с тем, что я получал как пенсионер дома, но впятеро меньше минимальной немецкой пенсии. На еду хватает вполне, транспорт (дорогой) оплачивается из собственного кармана. Поэтому приходится на всём экономить.

В немецкое общество не «интегрируюсь», живу, как в маленьком параллельном мире, который пересекается с большим, внешним, только в случае острой необходимости. А она, увы, возникает часто. Язык не изучаю по двум причинам: пепел Клааса продолжает стучать в моё сердце, и, второе, для постижения разговорной речи необходимо постоянное общение с немцами, что исключено в силу первой причины. Наша внучка Светочка, не обременённая моими комплексами, занимается в 8-м классе немецкой гимназии (потеряв 2 года) и говорит по-немецки совершенно свободно. И даже всё понимает. Срок обучения — 12 лет (последние 2 класса — абитура). Мечтаю, чтобы она поступила в Лейпцигский университет, где в своё время обучались Лейбниц, Гёте, Шиллер и другие достойные люди и которому почти 600 лет. Но ситуация непредсказуема.

Страна находится в серьёзном экономическом кризисе, реформы не идут, немцы выходят на демонстрации протеста. В результате в местные земельные парламенты (в частности, в наш) вошли представители неонацистских партий, отнюдь не запрещённых.

Утешение нахожу в работе за компьютером, который притащил с собой из Харькова. Пишу много. За это время мой «нессианский» фонд вырос до 310 пародий, представляя ныне большую «энциклопедию» наиболее ярких русских и зарубежных имен XVIII–XX веков, включая античников. Но теперь возникла проблема с изданием новой, существенно возросшей в объёме книги. Московские издательства перезагружены триллерами и прочей кровавой продукцией и на интеллектуальные вещи не реагируют. Харьковчане смотрят в лапу, а она пуста. Нашёлся, правда, мой старый знакомец, который начал заниматься книгоизданием, даже попросил меня прислать ему всё новое (на тот момент) с шаржами. Но вскоре «знык» и залёг на дно. В его порядочности я несколько не сомневаюсь, но, тем не менее, надежда рухнула. А вместе с ней и мой план приезда в Харьков в ближайшее время. Но если что-то прояснится, я побываю в Харькове ближайшим летом.

За это время я вышел в «Вопросах литературы» (№ 5, 2004), где меня намерены время от времени публиковать. Сейчас у них в производстве находится мой «Онегин в Харькове», который был опубликован в «Слободском крае» от 29 января с. г.

Несколько неожиданно вышла моя статья о А. Чижевском («Солнцепоклонник») в «Секретных материалах» (№ 16, 2004), перепечатанная из тараповских «Университетов» (2000). К сожалению, не связавшись предварительно со мной, мой неожиданный соавтор А. Клёва (харьковчанин, корреспондент этой газеты) искал в ней не только место моего нынешнего жительства и имя, но и ряд фактов, связанных с самим Чижевским. Я созвонился с Клёвой и поставил его перед необходимостью внести необходимые коррективы, что он и пообещал сделать в книге «Досье «Секретных материалов», которую сейчас готовит редакция. Заказал он мне ещё несколько статей, которые были написаны мною в рекордно короткие сроки, но пока они валяются где-то у него.

Столь же неожиданно появилась моя публикация в чикагской газете «Реклама», распространяемой по всей Америке немалым тиражом, об известном контрразведчике А. Гуревиче, родившемся в Харькове. Узнал о публикации я от своего друга, живущего в Чикаго. Эта статья была передана в редакцию кем-то из Харькова, а до того была напечатана в журнале «Истоки» (Вестник На-

родного университета еврейской культуры в Восточной Украине (№ 8, 2001). После этого у нас с редакцией установилась дружеская переписка, в которой было выражено желание сотрудничать со мной и впредь. И действительно — в «Рекламе» были мне посвящены 15 полных полос с пародиями и фрагментами моей неопубликованной книги «Помнить!..»

Появились и первые публикации в Германии, хотя круг русских изданий здесь крайне ограничен. В западногерманском журнале «Партнер», в № 1 за этот год, были напечатаны 9 (старых) пародий. В газете со странноватым названием «Районка» вышла моя уничтожающая реплика по поводу публикации книги, пытающейся обелить генерала-предателя Власова. Но в принципе здесь публиковаться негде. Русские газеты и журналы облеплены графоманами, и пробиваться сквозь эту толпу мне не хочется. Есть, правда, и высокопрофессиональные издания, но и там давно сформировался свой авторский круг. Так что надеюсь только на Москву.

Оценку написанного мною здесь дал довольно выразительно критик и литературовед Вл. Новиков. Эти материалы цепляю сейчас к письму.

Очень рад установлению связи. Очень интересуюсь всем, что происходит в Харькове, скучаю по оставшимся там друзьям. Ранее писем я получал довольно много, теперь чаще всего пишут В. Воргуль, Р. Катаева, И. Лосиевский, А. Житницкий, В. Галий (из США) — и всё, пожалуй. Даже фолиевцы, клявшиеся в любви до гроба, приумолкли. Видимо, с глаз долой...

Что слышно у тебя?

Передавай сердечный привет нашим общим друзьям и знакомым.

Крепко обнимаю,
В. Рубанович.

14 апреля 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Сегодня я завершил чтение твоих сборников. Впечатление сильное: блестящий стих, оригинальные мировидение и образность, созвучность многих тем с моими мыслями о том же. Очень интересна и проза. Твоя семейная хроника, конечно же, перерастает рамки интереса к ней одной семье. Это судьбы достойно проживших свои жизни людей, которые теперь ужаснулись бы увиденному.

Всё это мне очень близко. Дай Бог, чтобы и в будущем ты написал и, что не менее важно, издал такие отменные сборники.

К слову, с Борисом Чичибабиным и Алексеем Пугачёвым меня связывала многолетняя дружба. Мы познакомились в 1964 году в гостеприимном доме наших друзей Бориса и Аллы Ладензонов. С некоторых пор их квартира превратилась в своеобразный клуб, где по вечерам можно было встретиться с оригинальными умами, утонченными остроусловами, талантливыми бардами, литераторами, актерами и просто с интереснейшими людьми. Хозяин дома, Борис Яковлевич Ладензон, эрудит и остроумец, легко ориентировался в этом разношерстном обществе, двумя-тремя фразами ненавязчиво направляя порой чрезмерно оживлённые беседы в интересное для всех русло.

Его жена, Аллочка, умело и своевременно обеспечивала гастрономическую часть программы, успевая между делом быть в курсе всех обсуждаемых тем. Нужно сказать, что и пришедшие в этот дом впервые, и его завсегдатаи чувствовали себя здесь раскованно и уютно, в разговорах порой забывая о времени.

Именно здесь, за столом, быстро примирявшим всех спорщиков, я впервые и увидел Чичибабина (тогда он был женат на Моте, и она неизменно сопровождала его повсюду) и Пугачёва, хотя слышать о них доводилось и раньше. К тому времени в харьковском издательстве уже вышел первый сборник стихов Бориса Алексеевича «Мороз и солнце», его стихотворные подборки публиковались в «Новом мире», «Знамени», «Юности» и других столичных журналах. Что же касается Алексея, актера и певца, то его судьба сложилась достаточно трагично. Он так и остался известным лишь узкому дружескому кругу.

Чичибабин и Пугачёв были давними большими друзьями, что отнюдь не исключало то и дело возникающих ожесточённых споров, приводящих иногда к длительным размолвкам и даже ссорам.

Чичибабин всегда говорил о Пугачёве как о ярком, щедро одарённом человеке, который когда-то открыл для него авторскую песню. Алексей пел песни не только на слова Чичибабина, у него в репертуаре были прекрасные песенные композиции и на слова других «запрещённых» поэтов, в частности, Даниэля, с коим он дружил.

Надолго врезались в память его концерты в Харьковской филармонии, где он пел песни на слова Лорки и Гильена. Однажды Алексей решил попытать счастья в Москве. Пробыл он там недолго, но успел блестяще выступить в программе «В жизни раз бывает восемнадцать лет» с известными ныне артистами эстрады —

Е. Петросяном и другими. В 1975 году друзья сумели уговорить его записать свои песни на магнитофон, но, к сожалению, большинство из них стало известно лишь в последние годы.

Алексей был прекрасным художником. Он одинаково свободно мастерски владел техникой живописи и графики. Побывав как-то у него дома, я был поражён обилием профессионально выполненных рисунков и гравюр на темы тогда еще «самиздатовских» произведений Булгакова и Солженицына. Для их экспозиции в небольшой квартирке Пугачёвых на улице Байрона была выделена отдельная комната, полностью свободная от мебели. На полу лежал ковёр, на котором располагались гости, а стены и даже потолок были густо увешаны поразившими меня гравюрами. На подоконнике стояло необходимое для работы оборудование. Алексей рассказывал мне, что его дед был профессиональным гравёром и своему искусству гравирования обучил его ещё в юношеские годы. Приятно удивило меня и то обстоятельство, что жена Алексея Лидия Константиновна поступилась дефицитной для них квартирной площадью ради увлечения мужа. Думаю, что не каждая жена смогла бы поступить подобным образом.

В дружбе Чичибабина и Пугачёва Алексей отнюдь не играл второстепенной роли. Это был человек высокой культуры, с богатым и своеобразным внутренним миром. Его отец в свое время преподавал в Институте красной профессуры. Мать владела тремя языками, обучила сына игре на гитаре.

Когда Алексей Пугачёв закончил музыкальное училище по классу вокала, ему настоятельно советовали поступать в консерваторию. Но его влекла актёрская судьба, и он поступил в театральный институт. Ему повезло с учителями, среди которых было немало «березольцев». Особенно сдружился он с С. Хоткевичем. Да и на сцене рядом с ним играли тогда Л. Сердюк, Л. Быков, Л. Тарабарин. Однако в чёрные дни Пугачёву не нашлось места ни в одном из харьковских театров. Горько становится на душе при мысли о том, что его незаурядный талант так и не раскрылся в полной мере, ограниченный жёсткими административно-идеологическими рамками. В этих условиях особенно тяжело было таким, как Б. Чичибабин и А. Пугачёв, которые не пошли на компромисс со своей совестью...

В 1988 году во Дворце культуры железнодорожников состоялся творческий вечер Бориса Алексеевича Чичибабина. Это было его первое публичное выступление после двадцатилетнего перерыва. Вечер состоялся, несмотря на попытки харьковских чиновников

от культуры помешать этому. По его окончании ведущий объявил, что через несколько дней в этом же зале состоится ещё один вечер, посвящённый другу поэта Алексею Пугачёву. Большинству присутствовавших это имя было незнакомо. Афиши об этом так и не появились, да и состоялся вечер в другом, значительно меньшем помещении. Городская администрация, напуганная появившимся в прессе письмом Н. Андреевой, решила на всякий случай это «мероприятие» отменить. Но вечер Пугачева, ставший, к сожалению, вечером его памяти, всё же состоялся благодаря усилиям друзей Алексея. В те апрельские дни, когда ему исполнилось бы 60 лет, Пугачёва уже не было в живых. Судьба отпустила ему недолгий век, но всех, кто присутствовал на вечере, не покидало ощущение того, что Алексей сейчас где-то далеко, в очередной поездке — на Камчатке, в Караганде или Грузии — поёт свои песни старым друзьям и скоро возвратится домой...

Я бережно храню фотографию, подаренную мне Алексеем, когда он увидел мои графические работы, выполненные пером и тушью. Он попросил тогда, если у меня появится свободное время, сделать его портрет в этой технике. Время появилось, и я выполнил его просьбу. Но увидеть Алексея этот рисунок уже не пришлось...

А 15 декабря 1994 года мы простились и с Борисом Алексеевичем Чичибабиным.

Последние годы мы виделись с Борисом Алексеевичем довольно редко, в последнее время — чаще всего на его поэтических вечерах, на встречах в творческом объединении «Круг» и гораздо реже — в его небольшой квартирке на улице Танкопия. Я хорошо понимал, что значит для поэта, живущего замкнуто и уединённо, суета, неизбежно связанная с приёмом даже самого необременительного гостя. И не считал себя вправе отнимать у него ни минуты времени, отпущенного ему для работы. Намного чаще и с не меньшей радостью встречал я его новые стихи. Он сразу и высоко оценил мои пародии. На подаренном мне «Колоколе» Борис Алексеевич написал: «...от благодарного читателя его превосходных пародий, с любовью. Борис Чичибабин», на второй книге, «Мои шестидесятые»: «...с дружеской любовью и как взятку, которая, может быть, сохранит меня от его пародий. Борис Чичибабин».

Но, с благодарностью приняв эту «взятку», пародию на Бориса Чичибабина я всё же написал.

Борис Алексеевич в 1993 году дал мне рекомендацию для вступления в Союз писателей Украины, которую мне хотелось бы воспроизвести полностью:

«В 1990 году в харьковском издательстве «Прапор» вышла книжечка литературных пародий Виктора Рубановича «Весёлый Парнас». Книжечка эта, действительно весёлая и талантливая, на книжных прилавках не залежалась. Автор подарил её мне и хорошо поступил. Теперь, когда у меня паршиво на душе, а это становится устойчивым состоянием, за неимением шампанского и неохотой доставать с полок довольно громоздкий том Бомарше с Фигаро, в качестве лекарства перечитываю эту тоненькую и весёлую книжечку. Кажется, скоро мне не нужно будет это делать, потому что смешные и умные дружественно-пародийные стихи Рубановича обладают удивительной способностью сами собой запоминаться наизусть.

И до этой книжечки, и после неё Рубановича охотно печатали и печатают «Крокодил» и многие другие периодические издания Украины и России, а читатель ещё более охотно с нескрываемым и разделяемым мною удовольствием читает эти публикации.

В настоящее время Виктор Евгеньевич Рубанович работает директором издательства фирмы «Прогресс» и, конечно, мог бы издать не одну свою книгу, но он предпочитает издавать книги других писателей. Такая удивительная личность совершенно необходима Союзу писателей Украины.

С лёгким сердцем и благодарной радостью товарища по ремеслу рекомендую как можно скорее принять его в наш Союз.

Борис Чичибабин»...

И ещё один фрагмент его биографии, оставшийся, по понятным причинам, незамеченным его биографами.

С ныне покойной Лией Борисовной Аврутиной, моей двоюродной сестрой, Борис Алексеевич познакомился при весьма прозаических обстоятельствах. Бухгалтер Чичибабин был «привлечён» в 1953 году к подготовке сводного районного годового отчета, для чего в назначенное время явился в 7-й подъезд Госпрома, в райжилуправление Дзержинского исполкома к главному бухгалтеру. Влюбился он в Лию Борисовну сразу. И с тех пор использовал любой повод для встреч, говорил о своей любви, приносил подарки, для чего ему, постоянно испытывавшему материальные затруднения, приходилось порой расставаться с любимыми книгами из своей библиотеки. Однажды, случайно узнав, что Борис Алексеевич продал сочинения Бальзака, Лия выкупила эти книги и вернула их прежнему владельцу, запретив впредь тратить на неё.

В то время Чичибабин был женат на женщине, с которой он приехал из ссылки. Но неожиданно вспыхнувшая страсть к Лие,

которую он всегда называл более привычным ему именем Лия, нисколько не ослабевала. Более того, углублялась и ширилась с каждым днём. Борис Алексеевич ожидал её после работы, провожал домой, угощал любимым ею зефиром в шоколаде и охлаждённым шампанским из термоса, носил передачи (под фамилией Полушина) одному из её друзей, оказавшемуся в заключении. Он горячо настаивал на том, чтобы Лия оставила мужа и всегда была с ним. Становился посреди улицы перед нею на колени, засыпал стихами, исписав всю толстую тетрадь посвящениями ей. Борис Алексеевич был настолько поглощён Лией, что даже угрожал в случае, если она отвергнет его, перерезать себе вены на руках. И однажды пришёл к ней с перебинтованными руками, которые были изрезаны бритвенным лезвием.

Когда Лия сняла на лето дачу в Зелёном Гаю, Чичибабин просил время от времени разрешать ему видеться с нею, не спал ночами, тосковал, уверяя, что не сможет перенести три недели разлуки. Он приезжал в Зелёный Гай, тайком следя из-за кустов за тем, как Лия с детьми катается на пруду в лодке. На следующее лето, приехав к ней в Южный посёлок, он остался ночевать в пустом больничном изоляторе, чтобы утром увидеть её ещё раз.

Но Лия не относилась к этому увлечению Бориса Алексеевича слишком серьёзно и отнюдь не собиралась менять привычного образа жизни, тем более — оставлять семью. И со временем Чичибабин, убедившись в этом, сумел найти в себе силы для того, чтобы прекратить эти встречи раз и навсегда...

Серёженька! Ещё раз благодарю тебя за книги, я получил истинное удовольствие от чтения их.

Крепко тебя обнимаю, твой Виктор Рубанович

02 мая 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Внимательно прослушал диск «Янгол огня». Часто в глазах застывали слёзы, стихи твои безупречны. Что же касается их музыкального обрамления, то нужно признать, что Коньков не всегда удачен. Гитара его звучит превосходно, речитативы тоже хороши. Но там, где он зачем-то подключает свой не актерский, а «певческий» голос, с неровной вибрацией и откровенными срывами, неизбежно происходит ослабление эффекта. Но тут ничего не поделаешь: «маемо те, що маемо». В целом же песни хороши, стихи

выручают, но слушать их, видимо, в силу означенных причин, нужно не подряд.

Я очень тебе благодарен за всё присланное тобой и испытываю неловкость в связи с твоими тратами на пересылки.

Лейпциг понемногу остывает от горячих схваток тысяч нацистов с неменьшим числом их германских антиподов. Всю ночь накануне полицейские вертолеты бороздили небо, ведя наблюдение за всеми перемещениями наци. А утром стройные колонны тех и других сблизилась, после чего началась потасовка, в которую вмешались немедленно оцепившие их полицейские подразделения — в касках и бронежилетах. Водометы не помогли, стычка оказалась кровавой для всех. Много арестованных и пострадавших. Видимо, в сегодняшних газетах будет об этом сообщено более подробно. Аналогичные акции, но не в таких масштабах, произошли в Берлине и других западных городах. Это малоприятное зрелище, но поражает другое — сила и действенность закона. Наци не запрещены официально, но находятся под постоянным контролем властей.

Обнимаю тебя.

Твой В. Рубанович.

25 июля 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Поздравляю тебя с выходом новой книги. Спасибо огромное, что не забыл обо мне. Буду ждать прилёта «Певчего» ко мне.

Мне казалось, что на твоё майское письмо я ответил. Если это не так — извини. Возможно, я замотался в связи с выходом из строя моей левой руки. Что-то случилось в области плеча: боль нестерпимая при подъёме руки и отведении её в сторону. Пришлось побывать у специалистов, но, по-моему, они разбираются в подобных делах не лучше меня. Принимал болеутоляющее, прошел шесть сеансов лечебной гимнастики — результат практически нулевой. Ни одеться, ни раздеться, ни искупаться толком. А ночью боли заставляют по нескольку раз за ночь просыпаться.

С трудом выбил направление на повторную гимнастику, это здесь не очень просто. Возможно, договорюсь на месте о мануальном вмешательстве.

Ещё раз прочел твоё майское письмо. Должен тебе сказать, что я с пониманием, без малейших признаков экстремизма, отношусь

к обеим противостоящим сторонам бурлящего украинского общества. А кроме того, мой «Онегин» написан был до «оранжевых» событий. Речь в нем идёт о кучмовской Украине. И в какой-то мере он несёт в себе черты автобиографичности. Именно так поступили со мной в Спилке, когда мои материалы были представлены на предмет приёма. Отдельные подробности их рассмотрения и реплики в мой адрес мне стали известны от людей, присутствовавших при этом. Поэтому моя нелюбовь к этим чиновникам логична и естественна.

Но всё это мелочи по сравнению с тем, что в Германии принят новый закон об иммиграции, и моя дочь, приезд которой из Питера ожидался в этом году, может не попасть к нам вообще. Единственная надежда на то, что мы — мать и отец — старики, а её дочь (наша внучка) пока несовершеннолетняя. Впрочем, хваленной сентиментальности немцев не хватит, чтобы войти в наше положение. А это — трагедия, которой мы предвидеть не могли, когда задумывали объединиться.

Такие вот дела. Обнимаю тебя (правой рукой).

Твой В. Рубанович.

5 августа 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Очень рад был узнать, что твой с Коньковым вечер, во-первых, состоялся, а во-вторых, прошёл столь успешно. Конечно, это чертовски приятно, когда в наши, далеко не переполненные до краев радостями будни можно почувствовать себя с полным правом именинником. Даже можно простить хулиганство с забрасыванием «цветами-розами». И кворум тоже о многом говорит — значит, знают, ценят и скучают по настоящей русской поэзии. А вот гостей твоих, перечисленных в письме, я знаю не всех. Но могло бы быть их и побольше, впрочем, может быть, не все знали об этом или отсутствовали в городе. Отрадно, что приходил Рысцов, не самый горячий поклонник всего русского, но, по каким-то причинам, в своё время он очень тепло относился и ко мне.

А кто проводил запись для радио? Не Владлена ли Викторовна Костенко? Если она, передавай ей при случае мой сердечный привет. Если Инга Долганова — тоже.

Мне приятно получать из Харькова такого рода бодрящие вести. Значит, ещё не всё потеряно: и книги выходят русские,

и жизнь постепенно входит в своё русло, правда, больно уж напоминающее накатанное ранее.

За всеми событиями в Харькове и в Украине слежу самым внимательнейшим образом, ибо душа моя осталась там, разъединившись с телом. А здесь можно обойтись и без неё.

Недавно меня отыскал мой старый добрый знакомец из Нижнего Новгорода, некто Эдуард Кузнецов. Он известен в узких литературных кругах тем, что фанатично предан Пародии, собирает её множество лет, исследует и делает вполне профессиональные аналитические обзоры, которые изредка публикуются в «Вопросах литературы». Недавно (в № 3, 2005) он, в частности, опубликовал достаточно содержательную статью об истории создания «Парнаса дыбом», снабдив её такими мало известными деталями, о которых я не знал. А в числе пародистов, следующих традиции «парнасцев», среди таких имён, как Д. Самойлов, Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов, А. Иванов, Г. Горин, назвал и моё имя.

Я поблагодарил его и в ответ получил письмо, в котором он выразил радостное оживление по поводу обретения моего лейпцигского адреса. В письме он сообщил мне, что знает о моих новых «грандиозных» пародийных циклах от проф. Вл. Новикова и очень бы хотел с ними познакомиться тоже. Я отправил ему электронной почтой свои труды, и мы «обменялись мнениями». Работаю сейчас в основном над своей публицистикой, вяло ищущу тему для пародий и жертв. Но боюсь, не найду. Словом — творческий кризис, грозящий затянуться на долгое время.

Ещё раз спасибо за то, что не забываешь. Желаю тебе почаще радовать меня добрыми вестями, счастья и благополучия тебе и твоим близким. Пиши по мере возможности.

Твой В. Рубанович.

10 августа 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Твой «Певчий» в моих руках. Спасибо тебе за прекрасную книгу и добрые слова, её предваряющие.

Буду читать с большим удовольствием — долго и внимательно.

Крепко обнимаю и желаю новых удач, воплощённых в книги.

Твой В. Рубанович.

31 августа 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Огромное спасибо тебе за поздравление, твои добрые пожелания пришлось очень кстати — я похварываю.

«Певчего» твоего читал долго и внимательно. О твоих самобытных стихах я тебе уже писал как-то — они великолепны, очень зрелы и проникновенны. Меня заинтересовала и твоя проза, в которой я обнаружил много общих с тобой точек соприкосновения:

1. Мы оба родились в годы Голодомора (я в 33-м, ты — в 47-м).
2. Мы долго жили с тобой в одном районе (я в коммуналке 20-го дома на ХТЗ, ты — в коммуналке на Станкострое).
3. Мой отец пришёл на ХТЗ в 1929 году, когда завод еще строился, остался на стройке, закончил параллельно с работой ПАРВАГДИЗ (проброобраз Политеха) и всю жизнь проработал на заводе, до самой пенсии, ни разу не изменив своему родному отделу главного конструктора.

Твой отец пришёл на Станкозавод через 20 лет тоже с новеньким инженерным дипломом Политеха.

4. И ты, и я учились в одной и той же 104-й школе с естественным разрывом во времени.

5. И ты, и я закончили Политех.

6. Долгие годы своей жизни я прожил на Артёма, 58, рядом с твоим домом на Чернышевской...

Кстати, как пишешь ты в воспоминаниях, твой, ещё детский тогда, слух несколько покорила первая строчка песни «Варяг» («Наверх **вы**, товарищи, все по местам...» — «Какие-такие наверхвы?»). Должен тебе сказать, что первая строка в оригинале звучала несколько иначе. Возможно, тебе будет интересно узнать историю этой песни.

27 января 1904 года на рейде корейского порта Чемульпо произошло легендарное сражение И одним из первых на это событие откликнулся немецкий поэт Рудольф Грейнци (1866–1942), который в связи с героической гибелью «Варяга» написал и 12 февраля 1904 года опубликовал на страницах мюнхенского журнала «Юность» стихотворение «Варяг». Вскоре переводы этого произведения появились почти одновременно в двух российских журналах.

Один из вариантов перевода стихотворения под названием «Памяти «Варяга» увидел свет в четвёртом, апрельском номере «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки», издававшегося в Петербурге. Автором этого перевода была ли-

тератор и поэтесса Евгения Михайловна Студенская. Её перевод был напечатан вместе с оригиналом на одной странице журнала: слева — русский текст, справа — немецкий.

*Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
.....,
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»!*

Через некоторое время этот текст стал широко известной песней «Наверх, о товарищи, все по местам!». В различных нотных изданиях авторами музыки указывают А. Б. Виленску, И. Н. Яковлева, И. М. Корносевиича, А. С. Турищева. Однако имя Студенской, к сожалению, не вошло ни в один из сборников русских биографий, ни в один энциклопедический отечественный словарь. Как правило, упоминая автора слов, в песенных сборниках ограничивались указанием: «Биографические данные о Е. М. Студенской не установлены». Работа, проведенная в библиотеке Академии наук, позволила в значительной мере восполнить этот пробел, после чего Г. Таракановским были опубликованы в «Неве» достаточно подробные сведения о Е. Студенской.

Родилась она в декабре 1874 года в Петербурге в семье доктора медицины, почетного лейб-медика двора Его Императорского Величества М. М. Шершевского. Евгения получила прекрасное домашнее образование, что позволило ей успешно закончить историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С января 1897 года Студенская на протяжении восьми лет публиковала в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» свои стихотворные переводы с английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, шведского и датского языков. Одновременно печатаются её работы в историко-литературном журнале «Исторический вестник».

С 1901 года она печатается под фамилией своего мужа Студенского, за которого вышла замуж в конце 1897 года. Молодожёны, совмещая свадебное путешествие с делами, побывали в Париже и Риме. Но печальные обстоятельства привели к тому, что

в 1904 году перевод стихотворения «Досада» итальянского поэта Э. Виччи оказался последним её произведением. После смерти мужа от чахотки Студенская, имевшая к тому времени двоих детей, через некоторое время вышла замуж за профессора Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна. Но чахотка, которой она заразилась от первого мужа, прогрессировала достаточно быстро. Несмотря на все принимаемые меры и шестимесячное лечение в санаториях Южной Саксонии, в мае 1906 года на тридцать втором году жизни Студенская скончалась.

В историю русской культуры Е. М. Шершевская-Студенская-Браун вошла только словами одной песни «Наверх, о товарищи, все по местам!». Но эта, ставшая широко известной, поистине всенародная песня, воспевающая мужество и стойкость русского народа, нашла живой отклик в сердцах многих людей и особенно часто звучала в годы Великой Отечественной войны.

Такова история этой истинно русской песни, имеющей немецкие корни.

Ещё раз от всей души благодарю тебя за тёплые слова.
Крепко обнимаю, *В. Рубанович*.

3 сентября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Спасибо за письмо и за высланную книгу — у меня её, конечно, нет.

Что касается письма О. Ермолаевой с оценкой диска «Янгол огня», то думаю, что она вряд ли слыхала настоящее исполнение авторской, бардовской песни. Мне же как «человеку с гитарой» и даже с музыкальным образованием приходилось не только с успехом петь её самому, но и не раз слышать в исполнении Окуджавы, Городницкого, Клячкина, с которыми был в своё время знаком. Поэтому в части исполнения Конькова её энтузиазма разделить не могу.

Соглашусь с нею лишь в оценке твоих стихов. Ты — действительно Мастер.

А почему она не может дать в «Знамени» твоей добротной подборки? Или это уже недавно было?

Тебя крепко обнимаю, дай Бог тебе побольше великолепных книг и соответствующих рецензий.

Твой В. Рубанович.

14 сентября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Книгу «На кордоне» и трогательное приложение получил, за что благодарю безмерно. Стихи сразу же стал бегло читать, потом, разумеется, начну всё сначала. Заключительные слова С. Минакова тоже просмотрел. Хорошо, когда поэт пишет о поэте хорошо.

Спасибо огромное и за то, что не забываешь, и за тёплое, душевное посвящение.

Обнимаю тебя, твой *В. Рубанович*.

13 октября 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Это просто здорово, что ты вырвался в Германию. Если будет возможность, загляни в Лейпциг, если нет, но обратный твой путь проляжет через него, обязательно дай мне знать: день, число и время (всё это ты без труда узнаешь у себя в справочном бюро применительно к твоему поезду), и я обязательно подъеду на вокзал, чтобы увидеться.

На всякий случай напоминаю тебе мой адрес и телефон.

У меня практически всё без изменений, немного похварываю, продолжаю много работать (впустую), мало где бываю. Буду очень рад тебя увидеть.

Обнимаю, твой *В. Рубанович*.

16 октября 2005 г.

Всё в порядке, Серёжа, встретимся обязательно. Как я понимаю, поезда утренние? Значит — до субботы.

Обнимаю, *В. Р.*

12 ноября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Сегодня получил твою бандероль со сборником «Зелёный дождь» Ольги Бондаренко. Спасибо безмерное. Книгу начну читать вечером. Ты, конечно, молодец, что увековечил память ушедшего талантливого человека.

А фотки ничего. Я, правда, несколько старовато выгляжу, но на зеркало неча пенять!

Привет сердечный твоим.

Крепко обнимаю.

Твой В. Р.

23 декабря 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Сердечно благодарю тебя за поздравление, твоё письмо сумело опередить моё, намеченное на более поздние дни. Но потом я понял, что у тебя позднее, видимо, не будет доступа к компьютеру, и тороплюсь ответить тем же.

От всей души поздравляю тебя и твою семью с наступающими Новым годом и январским, православным, Рождеством. Дай Бог, чтобы они принесли всем нам покрепче здоровья, побольше счастья, покоя и уверенности в собственных силах.

Я очень рад твоим частым и тёплым контактам с читательской аудиторией, всё-таки они побуждают к новой работе и укрепляют уверенность в своей нужности. Всего этого я здесь не получаю и работаю без подпитки, на внутренних ресурсах, которые не безграничны.

Пародий новых не пишу из-за их ещё долгой не востребоваемости в скудеющем культурном мире, тем более, что издать уже содеянное никакой надежды не осталось. Даже с публикацией в прессе здесь большие проблемы. Даниил Чкония после того, как восторгнулся моими пародиями, куда-то исчез, на пару моих последних писем не ответил вообще. Иными словами, интереса не проявил. Другие печатные издания штампуют банальщину, и не пахнущую литературой.

Очень увлекся составлением Харьковской энциклопедии. Использую изрядное количество прихваченных с собой справочных материалов: литературные справочники, книги Лейбфрейда об истории города, мемуары, монографии и, конечно, Интернет. Получается любопытная книга, объёмистая и наполненная многими не известными дотоле (по крайней мере, мне) именами и событиями. Здесь всё: история, культура, искусство, наука, военные темы, отдельные персоналии и т. п. Работа эта позволяет мне на некоторое время не впасть в устойчивую депрессию. Что будет, когда источники исчерпаются, думать не хочется.

Вчера неожиданно получил очередной любопытный сборник стихов некоего харьковского биолога Е. Кутикова. Может быть, ты слышал его имя. Это его 4-й сборник. Когда-то он пришёл ко мне в «Фолио» со стопкой исписанной бумаги и просьбой посмотреть его стихи. Писать он их стал после того, как пережил клиническую смерть. Я сочинил вступительное слово, и сборник вышел, по-моему, у Стаса в издательстве. Стихи необычайно усложнённые, но пронизанные нетривиальными мыслями и глубоко интеллектуальные. Теперь стихотворчество — его жизнь. Просит откликнуться на новый сборник рецензией, но что я могу отсюда сделать?

О Депардье, который был тиснут с подачи Стаса, я узнал от него же. Он же обещал мне прислать и публикацию, но куда-то задевал отложенный для меня экземпляр. Так я его и не имею. Если у тебя будет возможность прислать эту страничку, буду очень рад. Я всегда старался собрать публикации свои и обо мне. Но теперь это стало делать труднее, правда, и публикаций ныне — кот наплакал. В интернетовском «Журнальном зале» обнаружил, что Б. Сарнов сделал мне новогодний подарок, опубликовав в 6-ом номере «Вопросов литературы» моих «козликов». Что именно напечатано, выяснить не удалось. Но у меня был телефон редакции, я позвонил и попросил выслать мне хотя бы один экземпляр этого журнала. Пообещали, буду ждать.

Ещё раз желаю тебе и твоим родным здоровья, счастья и благополучия. Не забывай меня и ты.

Крепко обнимаю. Твой *В. Рубанович*.

11 января 2006 г.

Дорогой Серёженька!

Всегда рад твоим творческим удачам, и сейчас ты меня порадовал Рождественскими новостями. Даст Бог, и второй будет диск, и третий!

А. Коньков — человек способный, и моя критика в его адрес, если помнишь, относилась к манере исполнения отдельных песен, а не к композиции. Влияй на него, пусть совершенствуется, а заодно — и песни выиграют.

Наши Новогодние праздники, как и вся здешняя жизнь, мало отличались от будней. Я просиживаю дни (и часть ночи) над «Харьковской энциклопедией», очень увлечён, раскрываются такие

тайники связей великих мира сего с Харьковом, что голова идёт кругом. Объём неуклонно растёт, а конца пока не видно. И это радует, поскольку с окончанием этой работы — хоть в петлю.

Публикаций нигде никаких, прислали мне из Канады три номера журнала «Бонус», где были давненько опубликованы мои старенькие вещи. И всё. Русская Германия не приемлет литературы, волоочась на поводу у ничего не читающей публики, разве что — анекдоты: чем пошлей, тем смешней.

Боюсь, что споры и распри между Украиной и Россией зашли слишком далеко, и без кардинальных смен правительств и тенденций выхода из тупика не найдется в обозримом будущем. Одни ведут себя по-петушиному, другие — по-господски. А у холопов не столько трещат чубы, сколько пустеют кошельки.

К праздникам получил около 40 поздравлений и звонков, что немного согрело душу. А так — пустота и безысходность. Работа отвлекает от дурных мыслей, но стал очень барахлить компьютер, что внушает тревогу — боюсь, чтобы не пропало его наполнение. Это был бы крах.

Из более радостных новостей, если это подтвердится делом, можно назвать некоторое послабление при приеме эмигрантов, я имею в виду дочь. Дай Бог, чтобы она поскорей приехала. Сколько может внука не видеть своей матери (а отца она не видела вообще)! Так и живём — маленькими надеждами на лучшее. А годы мчатся неостановимо, унося с собой силы и те же надежды. Не хочется на пессимистической ноте заканчивать письмо. Поэтому сообщаю тебе три анекдота, услышанные по «Голосу», которые, правда, вызывают у меня не столько улыбку, сколько сожаление:

1. Русский экстремальный туризм: пройтись среди бела дня по Крецатику в майке с надписью «Газпром»

2. Кодирую от газовой зависимости. Обращаться в Кремль. Спросить Вову.

3. Этот Новый год Украина встретила с шампанским без газа.

Сообщи мне, пожалуйста, о своих новых (после «Певчего») книгах — это нужно мне для пополнения статьи о тебе в «Энциклопедии» свежими данными.

Крепко обнимаю тебя. Пиши.

Твой *В. Рубанович*.

16 февраля 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Извини за затянувшуюся паузу. Я хворал практически всё это время: весьма кровавая почечная колика, прыжки давления, боли в сердце. Сейчас немного полегче, а может быть, я просто начал привыкать к этому состоянию.

Как всегда, радуюсь твоим успехам. Это, надеюсь, даст мне приятную возможность пополнить статью о тебе в моей энциклопедии ещё одним названием. А лучше бы — не одним. А кто ведёт твои радиовыступления? Не Владлена ли? Если это так, передай ей от меня мой низкий поклон.

Жизнь моя, к сожалению, настолько не богата событиями, что и писать-то не о чем. Продолжаю работать над энциклопедией: открываю (по крайней мере, для себя) все новые и новые имена. Поражаюсь всякий раз уникальности Харькова — во всех отношениях — и радуюсь этому, и горжусь, поскольку не перестаю любить и скучать по исхоженным за семь десятков лет местам. Хочу эту работу оставить после себя харьковчанам даже неизданной, думаю, что она в чьих-нибудь руках получит своё творческое продолжение и материальное воплощение — в книгу.

Что касается морозов, то даже у нас они были продолжительное время не менее 15 градусов минуса. В то время как обычно температура здесь не опускается до 0 — максимум минус 1 градуса. Но переносил я холода без особой радости, поскольку паршиво себя чувствовал. А немцев мороз не испугал — ходили легко одетыми и без головных уборов. Видимо, о себе напомнил мой возраст, с этим следует свыкнуться.

Писем из Харькова давно не получал. Правда, и сам не ответил ещё на некоторые — от И. Лосиевского, В. Воргуля, А. Житницкого, Риммы Катаевой, Т. Селиванчик. На этих днях засяду за почту. Если кого-нибудь увидишь из них, передай, пожалуйста, мои извинения.

Тебя крепко обнимаю, твоим — мой сердечный привет.

Пиши. Твой *В. Рубанович*.

04 апреля 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Извини за долгое молчание. К сожалению, это было связано с моим продолжающимся нездоровьем. Время от времени кровавлю

свой след, но попасть к специалисту-урологу на приём ранее июня не удастся. Здесь свои порядки: острое состояние — «скорая помощь» (около 50 евро) и невозможность объясниться на человеческом языке. В остальных случаях — визиты с переводчицей в заранее оговоренные сроки. Это не слишком удобно, как-никак — молодая дама. Но вариантов нет.

Специалистов здесь не так много, и все они работают с перегрузкой. К тому же в Германии сейчас проходят забастовки врачей всех специальностей, и многие кабинеты просто закрыты на замок. Новый закон не позволяет врачам получать более установленной страховыми кассами суммы, и часть времени они работают бесплатно. А кому это хочется? Если бы я располагал другой, не нищенской страховкой, врачи носили бы меня на руках, как коренных жителей. Но, увы. Социальные службы оплачивают крохи, и по каждому поводу нужно проходить унижительные переговоры с чиновниками. Делать нечего — приходится ждать. В паузах продолжаю для души заниматься «Харьковской Энциклопедией», для которой уже подготовил 1300 статей. Работа обалденная — жаль, что не будет реализована в книжную продукцию. Там весь мир Харькова — от времени создания до наших дней. Выручает Интернет и справочники, прихваченные с собой при отъезде. О некоторых общеизвестных именах, которые, как выяснилось, были связаны так или иначе с Харьковом, узнал только здесь. Думаю, что материал может оказаться сенсационным для многих. Пока что я его рассматриваю как стимул к жизни, а потом — посмотрим. В любом случае по завершении (если успею) передам его в Харьков на хранение. Мне прислали неплохую книгу Карнацевича «100 знаменитых харьковчан».

Поздравляю тебя с новыми публикациями. Если пришлешь мне намечаемую к публикации в США статью, буду очень рад и прочту с интересом. Я ведь живу только воспоминаниями.

Мои живут в прежнем режиме, Аделина падает с ног и воюет со Светкой, которая, меняясь сообразно возрасту, бурно отстаивает свои права. Занимается хорошо, но для поступления (через три года) нужны баллы ещё выше. А преподавание ведётся на примитивном уровне, без разъяснения трудного материала, хотя гимназия — одна из лучших в городе. Но таков здесь принцип преподавания, да и специалистов с высшим образованием в этой сравнительно небольшой стране и сегодня не могут трудоустроить. Отсюда — забастовки. Обе переживают моё болезненное состояние.

Погоды никак не установятся, для здешних мест долго держалась низкая температура и лежал снег. Сейчас пасмурно, не очень тепло и не хочется вылезать на улицу.

О харьковских новостях знаю из газеты «Время», которую читаю в кратком изложении в Интернете. Вспомнил Ильфа-Петрова с их Малкиным, Галкиным, Чалкиным и Залкиным. В Харькове, к моему удивлению, Добкин сменил Шумилкина, но в перемены для людей к лучшему не верю. Все ныне действуют в собственных интересах. Что же касается, Киева — ситуация непростая. Тимошенко, рвущаяся к абсолютной власти, опасна для президента, Янукович в этом отношении для него предпочтительнее, ибо, по его заявлению, не претендует на пост премьера. К тому же этот альянс в какой-то мере примирит западное и восточное крылья Украины. Но тоже много непонятого в таком отступлении восточников. Словом, главные события впереди. И на душе тревожно.

Крепко обнимаю тебя, самый сердечный привет твоим.

В. Рубанович.

6 мая 2006 г.

Дорогой Серёженька!

Письмо твоё только что прочел. Рад, что тебе удалось побывать в Чехии. Это страна, которой я в 60-е гг. бредил. Тщательно изучил её историю, в особенности, русско-чешских отношений. Говорил по-чешски так, что приезжавшие в Харьков чехи ни за что не хотели поверить тому, что я никогда не жил в их стране, а тем более — не бывал. У меня сложились в те годы прочные дружеские связи со многими чехами и словаками. Был я знаком с братом О. Яроша Владимиром, крепко дружил с руководителем Театра Спейбла и Гурвинека, который всегда сообщал мне о своём предполагаемом визите в Харьков и приглашал на все спектакли.

Любопытства ради и в надежде получить возможность побывать в Чехии участвовал во многих сложных викторинах, откликаясь на их вопросы диссертационными ответами. Но, будучи «невъездным», получал лишь вторые места и восторженные отклики организаторов. Есть у меня и письмо Чрезвычайного и Полномочного посла ЧССР Гавелки, который преждевременно, как Путин Януковича, поздравил меня с несомненной победой. И был очень сконфужен тем, что я оказался среди и др. Лично от него я получил прекрасный кожаный портфель, который долго носил не без гордости.

Такие, брат, дела. А сейчас царапаюсь на стены от боли, ибо следующий визит к врачу назначен только в понедельник. Всю неделю хожу с катетером, а это чрезвычайно больно, не говоря уж о прочем.

Обнимаю тебя. Дай, пожалуйста, понять Игорю Лосиевскому, что моё молчание объясняется трудно переносимыми муками и невозможностью сосредоточиться. Хорошо ещё, что самое страшное, в конце концов, было снято с подозрения.

Твой *В. Рубанович*.

5 декабря 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Рад был получить от тебя весточку. Между последним письмом к тебе и сегодняшним днем произошло много невесёлых событий. Первая операция ничего не решила, и меня оперировали вторично. На сей раз я вышел из клиники инвалидом, нуждающимся в посторонней помощи. Меня кормит моя бывшая жена, ухаживает за мной, как мать, очень переживает. То же происходит и с внучкой. А дочь вся изрыдалась, не имея возможности приехать к нам из Питера.

Всё это, по заверению хирурга, должно несколько продлить мои годы. В общей сложности я пробыл в клинике с мая по октябрь — с небольшим перерывом, и в дом меня внесли на носилках. А это мучительно и физически, и душевно.

Дома я, несмотря на категорические запреты врачей долго пребывать в сидячем положении и строгий домашний контроль, снова много работаю над «Харьковской энциклопедией». Число статей уже превысило 1700. И хотя у меня нет никаких шансов увидеть её напечатанной, хочу завершить эту грандиозную работу и оставить её в дар городу, любимому и незабываемому. А потому — спешу.

Я очень виноват перед Игорем Лосиевским, но никак не могу заставить себя засесть за письмо: дрожит рука, и почерк стал малоразборчивым. Возможно, соберусь с силами и позвоню ему.

О моём нынешнем состоянии постарайся никому не рассказывать. Хочу, чтобы помнили меня таким, каким видели при отъезде.

Крепко тебя обнимаю, привет всем, кто меня ещё не забыл.

Твой *В. Рубанович*.

23 декабря 2006 г.

Дорогой Серёженька!

От всей души поздравляю Тебя и Твою семью с наступающими Новым годом и Рождеством Христовым!

Дай Бог, чтобы Год Свиньи принёс всем Вам побольше доброго здоровья, счастья, радости, всяческого благополучия и при этом поменьше, увы, окружающего нас свинства.

Шлю Тебе сердечный привет и самые добрые пожелания от моих домашних.

Крепко обнимаю, твой *В. Рубанович*.